

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВС. ИВАНОВА

УДК 821.161.1

Вяч. Вс. Иванов

*Институт мировой культуры
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

Минералогия писателя (Всеволод Иванов) *

Особый интерес Всеволода Вячеславовича Иванова к полезным ископаемым был сформирован природой родных мест (он родился в Западной Сибири). Оригинальная трактовка роли золота представлена Ивановым в повести «Возвращение Будды», в которой золотой провод был украден со статуи Будды. В фантастическом рассказе «Сизиф, сын Эола» и в романе «Вулкан» философские идеи выражены через символику пород и камней. В последней из опубликованных работ писателя описанные Ивановым поездки в сибирские горы отличаются документальной точностью.

Ключевые слова: минералы, горы, камни, буддизм, Коктебель, Чертов Палец, Шерлова Гора.

Увлечение моего отца – писателя Всеволода Вячеславовича Иванова минералами могло начаться уже в ранние годы под влиянием остро им воспринимавшейся природы родных для него мест нынешнего Северного Казахстана (тогдашней Семипалатинской области), Сибири и всех тех краев Азиатской России, которые он исходил пешком и изъездил во время юношеского бродяжничества и цирковых спектаклей «факира Бен-Али-Бея» (его псевдоним) до Февральской революции. Позднее прибавились и впечатления от каменистых примечательностей смежных, более восточных российских краев, куда он был заброшен Гражданской войной. Красочные описания этих минеральных богатств отложились и в позднейших его произведениях.

Уже в самом начале, когда писатель мешал русские слова с «киргизскими» (в нынешних более точных терминах – казахскими и другими тюркскими) и ки-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ по проекту 14-18-0219 «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике».

Иванов Вячеслав Всеволодович – доктор филологических наук, академик РАН, директор Института мировой культуры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, ГСП-1, Москва, 119991, Россия; ivanov2108@gmail.com)

тайскими речами обитателей этих многоязыких земель, в его произведениях возникают горы и камни с их причудливыми туземными названиями: «Спрятался там далеко, за горой Киик Бас (Лебяжья гора), белый аракчин которой вдали виден» (рассказ «Анделушкино счастье», первое издание 1919 г.) [Иванов Вс., 2012, с. 159] (*аракчин* – традиционное тюркское и миграционное среднеазиатское и иранское название мужского головного убора, здесь восточная метафора горной вершины, как у Лермонтова); «Внизу, под яром, сразу луг идет темно-зеленый, на нем, будто камня, разбросаны цветы: красный исстук, ярко-желтый дюнькач. А там бледно-серебряный подлесок тала идет. Еще дальше синий дракон Кара-Иртыш чешуей блестит на солнце. А за ним – в светло-фиолетовом сиянии – горы. А среди их краса-красот Киик Бас-гора» [Там же] (русское соответствие «Черный» для тюркского *Кара*- в имени реки дано в начале рассказа). Совпадают с приведенными очень близкие по образам, цветовым эпитетам и тюркским словам фрагменты из других рассказов. В «Алтайских сказках» сходные сочетания реки и гор даны в туземном мифологическом осмыслении: «Эхо кувыркается со скалы на скалу, с горы на гору. Ручьи бьют каплями серебряными о камни: – Ти... ти... ти...» [Иванов Вс., 1974, с. 27].

В недавно впервые переизданной лучшей (по справедливому суждению самого автора) книге его рассказов «Тайное тайных» один из главных – «Пустыня Тууб-Коя» (первая публикация в 1925 г.). Его фабула строится на повторяющемся от самого вступления до финала образе далеких гор и их камней: «Не только конь, камень не в силах раздавить, разжевать такой травы. И не потому ль в горах скалы – обсыпавшиеся, обкусанные, словно зубы коней, что бессильно крошатся о травы Тууб-Коя» [Иванов Вс., 2012, с. 73]. В этом рассказе повествование прерывается лирическим отступлением, посвященным тем же горам: «...ведь надумает еще пойти не до саксаулов, а до гор. Не до гор, а до скал... Горы – как палатки, в которых спит смерть. Одни ледники разорвали желтое небо. Ледники холодом своим смеются над пустыней... К горам что ли, он идет?.. Не дойдешь, брат, в такой тоске» [Там же, с. 80]. После графического интервала и многоточия лирическое отступление прямо заговорит о самом авторе, его устремленности к горам и сомнении в возможности удачи его путешествия: «...все мы не доходим. Было другое лето в Петербурге, где нет гор и где море за ровными скалами, построенными людьми... Петербургские тропы ровные и прямые, и я все-таки недалеко ушел со своей тоской» [Там же]. В рондообразном заключении, возвращающем к тому же противопоставлению травы и камней, что было и в начале, проглядывает надежда на удачный исход и освещение меняется: «Камень в горах тугой и броский. Веселая и зеленая под ним земля. Солнечный пламень в горах потух, и облака, как пепел на костре, закрыли камни» [Там же, с. 90]. Не будет преувеличением, если сказать, что Всеволод Иванов не терял надежды дойти до влекших его к себе гор и до их камней. Из дальнейшего изложения будет видно, что ему удалось в какой-то мере осуществить этот замысел, в особенности в последнее десятилетие его жизни.

Писателю, занятому не природой самой по себе, а ее отношением с людьми, всего важнее было увидеть и минералы в этом ракурсе. Всеволод Иванов рано заинтересовался такой, казалось бы, традиционной и даже избитой темой, как роль золота. В сборнике «Тайное тайных» одно из главных относительно длинных повествований – «Плодородие» – в качестве основной линии фабулы включает неоправдавшиеся надежды героя на золото, которое он найдет в несущемся с гор потоке. Иванову в ранних вещах удалось подойти к теме золота нестандартным образом. Этому способствовали те самые его юношеские наблюдения, с которых я начал. Он рассказывал, что во время скитаний подобрал на среднеазиатской дороге блестящую как бы золотым блеском миниатюрную скульптурку Будды. Буддизмом (в ряду популярных тогда в России эзотерических восточных учений,

как йога) он к тому времени увлекся и с блестящей фигуркой не расставался. Както, оказавшись в комнате, где в печке горел огонь, он решил проверить, в самом ли деле Будда сделан из золота (он в это верил, но сомневался). Он поставил опыт: бросил статуэтку в огонь. Поддельная позолота быстро сгорела, но обгоревшая и почерневшая скульптурка не перестала быть ему близкой. Он возил ее с собой, ставил ее на рабочий стол или поблизости от него на книжную полку в своем кабинете, я ее отлично помню со своего детства. С этой статуэткой и ее мнимой позолотой можно связать замысел напечатанной в 1923 г. повести «Возвращение Будды». Изменились масштабы: в повести описывается та большая золоченая статуя Будды, которую, приехав в 1921 г. в Петроград, писатель случайно обнаружил в буддийском храме (он говорит об этом в «Истории моих книг»). В повести ставится вопрос о смысле изображения: «Статуя – это лишь металл и сама по себе никакого добра не несет» [Иванов Вс., 1973, с. 565]. Слова эти включены во внутренний монолог знатока буддизма профессора Сафонова. О металле, «благоухающем спокойствием» и его «распространяющем», речь идет в двух основных главках повести. Центральная часть повествования посвящена тому, как со статуи снимают и похищают золотую проволоку и как отрубают у нее золотые пальцы. В финале статуя искалечена: «Темной багровой раненой медью наполнена его расколота грудь. Сосцы его истрещены топорами. Высокий подбородок его оплеван железом. Золотые пальцы его мчатся неизвестно куда. А глаза его обращены вверх, они глядят выше и мимо несущихся песков. Но зачем и кого могут они там спросить: “Куда теперь Будде направить свой путь?” Потому что одно тугое, каменное, молчаливое, запахами земли наполненное небо над Буддой. Одно» [Там же, с. 597]. В этом конце повести внезапно появляется архетип каменного неба, значимость которого раскрыта классическими работами по индоевропейской мифологии и подтверждена новейшими исследованиями. К моменту написания книги Иванов познакомился с обширной литературой, излагавшей учения буддистов, и со стихами китайских поэтов-буддистов, цитированных и отраженных в многочисленных эпиграфах к главкам повести. Он знал, что в раннем буддизме не было поклонения изображению всего Будды. Можно было молиться только отпечаткам его рук и ног и отдельным частям тела (как в храме Зуба Будды в Шри-Ланке, на Цейлоне). Буддизм в переплетении с образами буддийского искусства занимает Иванова вплоть до Второй мировой войны, ко времени которой относится дневниковая запись о верности основного в учении Будды. А ближе к концу жизни он посещает (в 1956 и 1958 гг.) Агинский буддийский дацан, где беседует с ламами и дид-хамба-ламой (заместителем Главного ламы у бурятов). Ламы незадолго до того вышли из лагеря, в котором воспитывали и обучали священному тибетскому языку воплощение Будды – юного Дандарона, позднее скончавшегося в заключении после второго ареста. Я присутствовал на последних из этих встреч, когда в перерыве во время ежегодного длительного ритуала нас угощали в отдельной большой палатке. С ламами мы говорили о Будде. Будда явился отцу и в одном из его больничных предсмертных видений¹.

Интерес к эстетическому восприятию обработанного камня у Иванова вырос еще в Петрограде в первые годы после Гражданской войны (он мог укрепиться, быть может, и благодаря знакомству с антикварными вкусами Горького). В произведениях этих ранних лет сказывается значительно обострившийся интерес молодого Иванова к таким камням, как берилл и нефрит, ср. описание Чей-кема в романе «Голубые пески» в повести о Чокане Балиханове: «Берега его подобны бледно-зеленому бериллу, потому что запахи водяных берегов столь же сладки коню, сколь запах драгоценного камня – человеку. Кони ржут, поводя ушами,

---

¹ Реквием отцу («Не спится мне...») [Иванов Вяч. Вс., 2005].

глаза их наполняются светло-зеленым бериллом... Все же от запахов берилла, от вод Чей-кема к горным кряжам поднимаются телеги» [Иванов Вс., 1973, с. 483]. В том же романе глазам человека уподоблены порфиты: «Подле озера Джамбай крупнозернистые степные ветры обнажили граниты, темно-малиновые порфиты, ярко-зеленые сланцы. Медленно поднимаются в степь камни – словно верблюды от чоха погонщика. В пещере Аулие-Тау есть большой, с углублениями в середине, камень. Со стен и потолка пещеры скопляется в нем холодная вода. Омовение ею целит бесплодие. От холмов Сары-Тау, от отлогов Субунды-куль прикочевали киргизы. Малахаи открыли глаза, ставшие жесткими, подобными темно-малиновым порфитам, сердце их не омыто водой из Аулие-Тау, но оно оплодотворено... Вот почему порфиты озера Джамбай подобны глазам киргиз, из-под малахаев глядящих на Запуса» [Там же, с. 499].

Как в одном из лучших рассказов «Тайного тайных» «Полюнья» достигается трагическое единение человека и птицы (и как о самом себе, сроднившимся с лесным зверьем во время аскезы, писатель рассказывает в автобиографических «Похожениях факира»), так и в «Партизанских повестях» возникает схожее чувство по отношению к камню: «А кругом – лес, вода и камень. Кубдя лег на брюхо и поглядывал вниз. На мгновение он почувствовал себя сросшимся с этим камнем. У него зазнобило на сердце» [Там же, 1973, с. 94]. Сквозь повествование проходит уподобление человека, его плоти и сердца камню: «Шестой день тело ощущало жаркий камень, изнывающие в духоте деревья, хрустящие спелые травы и вялый ветер. И тело у них было как граниты сопок...» [Там же, с. 119–120]. Но одушевленные камни могут быть и враждебными: «А пряталось за камнями двое русских. Прикрывались кедровыми ветками, ноги обложили мхами и молчали, как камни. В эту ночь говорил только ветер, густым и нечеловеческим голосом. Сыро дышали камни. Мокрые кедровые ветки не грели. Мох – холодный и жесткий. Земля чужая и холодная. Камни чужие, холодные, как эта синяя ночь с синим, льдистым ветром» [Там же, с. 195].

После перелома в жизни и общественной позиции Иванова в начале тридцатых годов² продолжающаяся у него тема камня неожиданно меняется, окрашиваясь в тона почти официальной риторики. В очерке «Разговор с каменотесом» (напечатан в 1935 г.) эта тема соединяется с несколько искусственно звучащими фразами о труде на благо страны. Такова и концовка написанного несколькими годами позже рассказа «Мрамор», но в нем Иванов вновь обращается к алтайским горам и к дивным образцам камня, найденным его молодыми героями.

Возврат к более естественному для писателя тону намечался в фантастическом цикле, начатом во время Второй мировой войны. В литературе о писателе уже замечено разительное сходство входившего в этот цикл рассказа «Сизиф, сын Эола» и одноименного произведения Камю, написанного в это же время. В таком сходстве двух писателей, начавших в годы Второй мировой войны мыслить о человеческой судьбе в духе вскоре распространившегося экзистенциализма, можно было бы усмотреть соответствие попперовской идее Третьей Вселенной (или Ноосферы по Тейяр де Шардену и Вернадскому), которая одновременно подсказывает нескольким разным и не связанным прямо друг с другом авторам вечные символы, воплощающие их сходные философские идеи. Но у Иванова они заземлены описанием тех гор в Греции, где разворачивается заимствованная из переосмысленной античной традиции фабула. В тот же цикл входил и рассказ «Тигр на тумбе» (в последующих посмертных изданиях названный «В горах Бух-Тай-

---

² См.: [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010; Иванов Вяч. Вс., 2010].

рона»³). В нем горы представляют фон сюжета пробуждения в цирковом укрощенном хищнике древнего инстинкта.

К фантастическому циклу примыкает роман «Вулкан», написанный в 1940 г. (первая редакция этого года напечатана недавно: [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010]) и подвергшийся переработке до первых (уже посмертных!) изданий [Иванов Вс., 1975]. Повесть связана с пребыванием Иванова в Коктебеле в 1940 г. Поездки в Коктебель с середины тридцатых годов на протяжении предвоенного и послевоенного времени стали вехами на том пути Иванова к горам, о котором он начал мечтать в цитированном выше петроградском отрывке. К числу автобиографических мотивов, подтверждающих соответствие именно поездке в 1940 г., относятся сцены, где один из героев узнает о немецких бомбардировках Лондона и Ковентри. До этого Иванов бывал в Коктебеле несколько раз. В 1924 г. он останавливался в доме Волошина во время пребывания там Брюсова (чтение тем стихов он слышал через стенку, не решаясь войти в большой зал без приглашения, как мне рассказывал спустя много лет). Следующий раз он приезжал туда в 1935 г. со всей большой семьей. Это повторилось и в 1940 г., когда потом, сразу после поездки, был по свежим следам написан первый вариант романа. Переделка 1962 г. коснулась общемирового и политического фона происходившего и особенно сказалась во введении темы «безумного молчания» как вынужденной позиции героев и автора (выражение заимствовано из «Сказания» Авраамия Палицына, 1620 г.). Для героя очевиден ужас наступающего: «Пусть вулкан впереди, огонь, лава, смрадный дым и, может быть, вся преисподняя» [Там же, с. 660]. Иванов предполагал назвать повесть «Предгрозовье», но потом оставил прежнее название, добавив эпиграф из Палицына. Символический смысл *Вулкана* как названия коктебельской главной горы прояснен и в сцене сновидения героини Евдоши, которой является античный бог Вулкан. Он ей объясняет свои занятия: «Я – мастер. Я плавлю и кую металл» (за этим следует иносказание, отнесенное к любовному сюжету романа) [Там же, с. 586–587]. В романе описания гор и камней, как и в рассказе «Сизиф», сопровождаются ссылками на древнегреческую мифологию (один из главных персонажей – Гармаш рассказывает Евдоше во время их похода в горы о боге Гефесте). Горы, камни и скалы Коктебеля находятся в числе основных действующих лиц романа. Особенно привлекал автора Чертов Палец, к которому он не раз потом поднимался сам, принося назад множество выбитых геологическим молотком образцов пород. С Чертовым Пальцем связан и поразивший писателя и им описанный эпизод. Забравшись высоко на скалу и посмотрев с нее вниз на море, Иванов увидел поднимающуюся навстречу ему из воды голову морского змееподобного чудовища (скорее всего заплывшего из Средиземного моря, как объясняли потом моей озадаченной отцовским рассказом маме сотрудники Карадагской научной станции). В романе «Вулкан», по словам того же Гармаша, «Чертов Палец – это все, что осталось от бога Гефеста. Бог тут зарылся в базальты...» [Там же, с. 601]. Автор далее так описывает многообразие камней, открывающееся на Карадаге: «За Чертовым Пальцем и перевалом широкое желтое плоскогорье суживалось, наполнялось запахами полыни и чабреца, на вершине Карадага превращалось в гладкий каменный балкон, черноватый, с ржавыми крапинами, с которого превосходно видно серо-черное нагромождение скал внизу, крошечные маково-голубые вулканические цирки, шиферно-серые пропасти, голубовато-зеленые поляны, тяжелые, хотя и низкорослые дубы, дико исковерканные ветрами можжевельники» [Там же, с. 602]. Камни,

---

³ Сколько я помню разговоры о сюжете и первое чтение рассказа, он назывался и «Тигр на проволоке», дальнейшие изменения заглавия скорее всего связаны с требованиями редакторов.

описанные в романе как живые существа, взаимодействующие с героями и на них влияющие, составляют важную часть его фабулы, включающей вместе с мифологическими галлюцинациями героев контуры той военной Европы, где один из последних великих метафизиков Бергсон в оккупированном нацистами Париже вынужден вспомнить о том, что он – еврей (замечание на эту тему одного из героев романа скрывает автобиографическую линию книги: помню, как взволнован был отец, прочитав в бюллетене Иностранной Комиссии Союза писателей в том году новость о Бергсоне, все им с увлечением читанные русские переводы которого были собраны в его библиотеке; во время газетной травли писателя обвиняли в бергсонизме). В переделанном летом 1962 г. последнем варианте романа кроме прояснения темы спасительного безумного молчания, в сталинское время в прямом виде невозможной, отразились также и впечатления (вполне личные) послевоенных поездок в Коктебель: одна из них в 1951 г. привела к роману с М. К. Старокадомской [Иванов Вяч. Вс., 2015, с. 97–98], отблеск пережитого сказался в эротической сцене, в романе (как, вероятно, и похожий эпизод в жизни автора) происходившей в горах.

Когда вместе с семьей Иванов во второй год войны жил в эвакуации в Ташкенте, он не забывал о горах и своей непрекращающейся тяге к ним. Возле Ташкента он поднимался к ледникам Чимгана вместе с моим (тогда шестнадцатилетним) братом Мишей. Им сопутствовал мой близкий друг детства юный физик Михаил Левин, влюбленный в мою сестру и потом ставший ее первым мужем. Миша Левин впоследствии вспоминал, что там, в горах Чимгана, вдали от стукачей и записывающих речь устройств, Всеволод Иванов делился своими мыслями о Сталине как жестоком восточном деспоте. Спустя два года Левину, арестованному во время его работы на военном заводе, предъявили обвинение в покушении на Сталина, готовившемся им и его друзьями, жившими на Арбате, где вождь нет-нет да проезжал на многих машинах.

В первые послевоенные годы Иванову удастся постепенно осуществить свою давнюю мечту и наладить поездки в горы. В 1946 г. у него созревает план большого путешествия в Среднюю Азию. Пришлось преодолеть многие денежные и другие препятствия, но в конце концов Иванов смог поехать в Казахстан. Там он знакомится с медеплавильным комплексом места, тогда называвшегося Джезказганом (сейчас переименованного в соответствии с казахским произношением в Жезказган). Иванов пробует на материале истории этого предприятия осуществить свой давний замысел – написать вещь о металлургическом заводе. В середине двадцатых годов во время своего тяжелого кризиса он сжег им написанные (и лишь частично тогда напечатанные в журналах) главы романа «Северосталь». Позднее он берется за исполнение горьковского плана создания «Истории фабрик и заводов» (см.: [Журавлев, 1997]) и участвует в начале работы над так тогда и не вышедшей книгой о Магнитогорске «Были Горы Магнитной». Проблема практического применения в индустрии достижений современной науки определила фабулу посмертно изданного рассказа «Опаловая лента», входившего в фантастический цикл. Готовясь к написанию законченной в 1946 г. и доработанной и дорабатывавшейся в следующем, 1947 г., пьесы (потом и сценария на ее основе) «Главный инженер» (принадлежит к числу произведений, до сих пор остающихся в рукописи), Иванов ищет достаточно специальную тему для ее фабулы. Он пытается всерьез подойти к популярной в то время в нашей литературе и критике проблеме сочинения на производственную тему (теперь задача кажется заранее неосуществимой, во всяком случае, в рамках, определенных тогда для всех советских писателей цензурой и редакторами). Для этого со свойственной ему тщательностью он изучает весьма специальные труды. В его библиотеке сохранились два проработанных им (что видно из многочисленных фраз и параграфов, отчеркнутых его красным карандашом) текста работ, напечатанных в сборнике,

относившемся ко времени характерного для энтузиазма первых пятилеток внимательного и всестороннего обсуждения специалистами планов будущего медеплавильного завода [Ванюков, 1935; Суров и др., 1935]. Иванов отмечает, как важные для себя места, исследования известного геолога Ванюкова и выступления других ученых и инженеров по его докладу, посвященному плавке на железо-марганцовистые шлаки [Ванюков, 1935, с. 519, 522–523, 525, 526], а также гидрометаллургии [Там же, с. 528]. С задачами последней связан и отмеченный им раздел в совместном докладе о водоснабжении комбината ([Суров и др., 1935, с. 554] – Ивановым отчеркнут раздел, принадлежавший Стекольникову). Энтузиазм середины тридцатых годов не был созвучен официальной настороженности послевоенных лет. В дневнике 1947 г. писатель достаточно подробно описывает безуспешно предпринимавшиеся им попытки напечатать пьесу и предложить ее для постановки в театре. После не всегда им получавшихся первоначальных знаков согласия (например, со стороны давнишнего знакомого по совместной работе над мхатовским спектаклем «Бронепоезд 14-69» – режиссера Судакова) надежды на реализацию пьесы в театре улетучивались. Судьбу этой пьесы, написанной после изучения металлургических особенностей производства меди и наблюдений за жизнью на заводе, Иванов воспринял болезненно. Писатель тогда не знал, что судьбу его литературного произведения разделят и многие участвовавшие в создании медеплавильного гиганта специалисты, обвиненные во всех грехах, что отчасти могло повлиять и на судьбу пьесы.

Поездки Всеволода Иванова в Казахстан, первоначально преимущественно в Ала-Тауские горы, начиная с 1948 г. становятся регулярными. В это время восхищение красотой минералов, характеризовавшее писателя на всем протяжении его жизни и творчества, усиливается тремя новыми его увлечениями.

Во-первых, уже с первых послевоенных поездок в Ала-Тау, Коктебель и – в последние десять лет – в Забайкалье писатель не ограничивается впечатлениями о скалах и камнях. Ему хочется увезти с собой домой хотя бы часть открывающихся ему дивных образов. Он хотел бы украсить ими свой рабочий кабинет, да и весь дом. Обычно Иванов утром пораньше отправлялся в горы (в частности, в Коктебеле, где он с трудом находил себе спутника из писателей помоложе; тот с изумлением рассказывал потом об испытанных и преодоленных ими обоими трудностях горного туризма, если не альпинизма). За плечами у Иванова был порядочной величины арбуз, который они вдвоем разъедали на вершине скалы, куда писатель затаскивал своего злополучного компаньона. Опустошенный во время горного завтрака рюкзак писатель набивал обломками минералов, которые он извлекал из скал своим геологическим инструментом. Эти дивные куски гор переселялись потом в переделкинский кабинет, который своим видом отчасти становился похожим на любимые горные ущелья. Там писателю на время удавалось скрываться от тягостной литературной действительности времен Кочетова и Грибачева. А потом, набравшись этого горного воздуха, можно было собраться с силами и снова отправиться, скажем, в Ала-Тау.

Во-вторых, увлечение камнями и их привозом в дом соединилось еще с одной давней чертой, присущей Иванову. По своей природе он был собирателем. Всю жизнь он коллекционировал. Больше всего книги. В двадцатые годы, когда сравнительно дешевых редких книг (по большей части из брошенных или разворованных старых дворянских и иных собраний) в букинистических магазинах было много, он собирал книги по определенным темам и личностям, например, все книги русских футуристов, все прижизненные публикации (в том числе журналы), связанные с именем Достоевского, все первые издания Пушкина. В годы, когда после травли в газетах Иванова переставали печатать, продажа книг оставалась главным способом для моей мамы прокормить большое семейство. При первой открывавшейся возможности отец обращался к новому коллекционерству.

У него было огромное собрание русских лубков. Увлечшись пьесой об убийстве Павла Первого, Иванов нашел малоизвестный портрет этого императора и рукопись направленного против него (мы бы сказали, «самиздатского») памфлета, в конце которого император, удушенный шарфом, прибывает на тот свет. В те годы кабинет отца напоминал комнату музея, посвященного времени Павла. Эти незаурядные способности коллекционера сосредоточились к концу жизни на камнях и их собирании. Иванов не только сам приносит и привозит с гор образцы пород. Он знакомится с другими такими же страстными их любителями и не раз получает от них дары. Во время нашей совместной поездки по Читинской области летом 1958 г. отец при мне просит одного из организаторов ускорить его встречу с местным коллекционером камней. Он поясняет на чужой для него окололитературной новоречи тех лет: «ведь нужно же и с человеческим материалом познакомиться». Я про себя усмехаюсь: я уверен, что отец надеется разузнать новости о месторождениях, а может быть, и получить от товарища по этим находкам подарок.

Эта страсть заразителна. В дневнике последнего путешествия, совершенного уже тяжелобольным Ивановым незадолго до раковой операции и смерти, записана острота одного из местных компаньонов, который подсмеивался над его собирательством, но сам мечтал о ценимых ими всеми халцедонах: «Гоша вчера говорит: “Вам пора уже переходить на собирание шкур”, а сам выпрашивал название горы возле деревни Живая, чтоб собирать [там] халцедоны!» [Иванов Вс., 2001, с. 449].

В-третьих, по отношению к минералам сказывается свойственная Иванову склонность соединять художественные занятия с научными. В том, что касается исследования литературы, можно было бы думать о раннем влиянии на него Шкловского, Тынянова и других формалистов. Но Всеволоду Иванову был вообще свойствен рациональный взгляд, делавший для него нужными занятия наукой, к которой у него были большие способности [Иванов Вяч. Вс., 1975; 2010]. В библиотеке писателя сохранилась книга А. Г. Бетехтина по минералогии [Бетехтин, 1950], которую он купил и читал в июле 1956 г. «после поездки в Забайкалье» (запись на форзаце книги). На с. 338–928 книги есть отметки, говорящие об интересе писателя к следующим минералам и их месторождениям и особенностям: атакмиту и его месторождениям (в частности, в Казахстане, с. 339⁴); корунду и его месторождению в Казахстане (в 320 км от Павлодара – родных мест Иванова, с. 364); гематиту и его месторождениям (в частности, в Центральном Казахстане, с. 368); брауниту и его месторождениям в Центральном Казахстане (с. 372), ашириту Центрального Казахстана, ошибочно принимавшемуся за изумруд (с. 744), зуниту в Казахстане (с. 928), ганиту и его месторождениям (с. 377), касситериту и его месторождению к юго-востоку от озера Байкал (с. 399) и возле Онона в Забайкалье (с. 400), кристаллам кварца и его разновидностям, включая горный хрусталь и его месторождения (в том числе в Забайкалье, с. 442), амethystу, раухтопазу, мориону, а также празему и авантюрину (с. 886), в связи с чем отмечены и окрашенные примесью железа в красный цвет кристаллики кварца у правого притока р. Алдана (с. 432–433 и рис. 296). Особо отмечены цвета заинтересовавшего писателя и его спутников халцедона (с. 435–436, отмечены халцедоны в реках Восточной Сибири, с. 442). Иванова интересуют агаты и ониксы, включаемые в виде миндалин во многие горные породы (с. 439), а также месторождения технического агата (с. 442). Выделены разновидности опала (с. 445) и их месторождения (с. 449).

---

⁴ Здесь и далее в скобках указаны страницы книги [Бетехтин, 1950], отмеченные красным карандашом и некоторыми другими карандашами писателя.

Интерес писателя к неоднократно им посещенной Шерловой⁵ Горе в Забайкалье сказался в отмеченных им замечаниях о наличии там месторождений бисмита (с. 451) и топазов (с. 696). С Забайкальем соотносятся и месторождения кордиерита (с. 743). Замечания общего характера о бирюзе (с. 638) выделены вместе с характеристикой ее месторождений (с. 639). Из месторождений Киргизского хребта писатель обратил особое внимание на фаялит (с. 679). К специально заинтересовавшим писателя казахстанским месторождениям относится андалузит в Семиз-Бугу (с. 703). Упомянутая выше по поводу недоосуществленных проектов писателя гора Магнитная в реферируемых его записях выступает в связи с месторождениями гранатов (с. 712). Примагнитогорский район выделен по поводу родонитов (с. 753). Урал особо отмечен и по поводу турмалинов (с. 748). Якутия появляется в связи с валуитом (с. 715). В цитированных выше уподоблениях глазам людей и верблюдов важен зеленоватый цвет берилла, который отмечен особо (с. 737–738). Интерес к цвету минерала виден в пометках, касающихся амазонита (с. 896). Дидимолит своими месторождениями уводит к Восточной Сибири (с. 755). Весьма занимавший Иванова нефрит и обозначавшие его термины специально проработаны писателем (с. 776–777). Карадаг в этих пометках встретился всего один раз в связи с десмином (с. 926).

Интерес к минералогии определил и заметно выросшую в путешествиях и полевых заметках Иванова последних лет роль встреч с геологами, в особенности в странствиях по горным местам Восточной Сибири и Забайкалья и в описаниях этих поездок. В книге о путешествиях «Хмель, или навстречу осенним птицам», напечатанной в «Новом мире» в 1962 г. (за год до смерти автора), видное место принадлежит таким вставным новеллам, как рассказ о встрече с геологом Фаерманом и его экспедиции к эвенкам в поисках заменителя слюды [Иванов Вс., 1978, с. 47–48 и след.]. Хотя в «Хмеле» писатель оговаривает, что плохо разбирается в металлургии меди и в технике, тем не менее в его замечаниях на эту тему [Там же, с. 82] можно увидеть продолжение тех его занятий и раздумий, первый этап которых отражен в пьесе «Главный инженер». Он возвращается к сравнению геологической проходки с той, которая имеет промышленный характер [Там же, с. 95].

Иванов пишет свою последнюю книгу о камнях после нескольких повторных поездок к ним в Забайкалье. Среди описываемых старых знакомых есть и встреченная нами в пометках на книге Бетехтина «Шерловая Гора – поселок, рудник, комбинат по добыче оловянных концентратов, которые, как говорят, здесь значительно богаче, чем в Хапчерангском комбинате. Впрочем, здесь все месторождения богаче. А Шерловая Гора – “шерл” по-старинному драгоценный камень – одно только хвастовство. Никаких теперь драгоценных камней на Шерловой Горе не добывают; оловянный концентрат, рудник и обогатительная фабрика – совсем по низу горы» [Иванов Вс., 1978, с. 43]. Понимая неизбежность перемен, писатель не без грусти напоминает о романтическом прошлом Шерловой Горы. Настоящее он описывает не без отвращения. В нем «избы – все на одно лицо, словно с одного конвейера, все новые и все безобразные, выстроенные по струнке в унылый ряд; позади изб – не то склады, не то лесопильня, не то еще что-то в этом роде. Тишина слепая и удручающая. Только с телеграфного столба, к которому привязана косолапая бесхвостая лошадь с мокрыми суконными ушами, из пластмассового блюда – нескончаемый малопонятный рев радио. Усатый благообразный дядя с безумными глазами навывкате вслушивался в этот рев, блаженно, легко и привычно пошатываясь. Рядом – продовольственный магазин, тоже изба; двери, обитые рваной кошмой и клеенкой, закрыты на толстые железные болты, поверх ко-

---

⁵ Иванов отмечает и самый термин *шерл* (с. 747 – в связи с турмалином).

торых фанерка и надпись: “Обеденный перерыв”. Почему обеденный перерыв в десять часов утра – неизвестно. За выселками – бессильная, хотя с виду и лютая, черная-пречерная топь. Прах ее знает, может быть, она действительно засосет? И мы тихо, испуганно объезжаем ее. И все вокруг топи уныло, косно, все словно ждет: когда же она высохнет?» [Иванов Вс., 1978, с. 46]. Сочетание полуфантастической сатиры, описания природы и передачи внутреннего ожидания худшего напоминает о стилистике ранних рассказов. Но в «Хмеле» звучат и другие ноты. Автор рассказывает о кратковременных периодах достижения погружения в созерцание, избавляющее от всех бед: «...все же я позволил себе уговорить своих спутников прожить на Адун-Чолоне четыре дня. Если допустить, что красоты природы способны делать человека счастливым, – я был счастлив эти четыре дня! Когда-то давно-давно старатели говорили мне: “Поймаешь золотую жилу, начнешь намыв – ни в руках, ни в ногах уже нет сил, дыханье сперло, в голове туман, а сердце такое яркое, будто цветешь”. Вот и я был в таком “намыве”, в таком “цветении”» [Там же, с. 47]. Скалы Адун-Чолона возвращают писателю необходимые ему краски, отнятые у него столичной жизнью: «Залитые розоватым утренним светом, чистым и жгучим, неизвестным нам, московским жителям, небо и скалы отливают красками радуги. Зелеными, желтыми, синими, оранжевыми. Кое-где к камням прислонились березы с маленькими листьями, они как бы стыдятся и боятся прикрыть это великолепиие. Помосты, плиты, легкий и кипучий взлет камня наверх, точно вы поднимаетесь по лестнице, и вдруг обрыв, и вдали за цветущими лугами опять очертания башен, пылкий и фантастический мираж скал: нигде скалы не приходят в ярьость, всюду разлито доброжелательство камня, всюду камень слегка похож на задуманные скульптуры, которых чуть-чуть коснулся резец скульптора, полные очертания этих изваяний вы должны досоздать своим воображением... Кажется, что степь, и травы, и цветы великодушно провожают камень до того места, где ему уже не вмоготу, и он вылетает из-под земли и разворачивается чарующим веером скал. В самом деле нет ничего удивительнее и красноречивее безмолвия этих дивных скал Адун-Чолона!» [Там же, с. 48–49].

Соотнесение мифопоэтического и эстетического взгляда на горы и камни с современным рациональным продемонстрировано в «Хмеле» на примере поездки к Онону. За кратким изложением легенды о Чаше Чингисхана следует ее описание: «Гранитная Чаша Чингисхана – в некотором отдалении от прочих скал, словно природа, выдувая ее, понимала, что делает. Это огромный гранитный монолит величиною с одноэтажный дом. Ветерок шуршит и шаркает по осенней траве, но к монолиту и не прикасается, словно говоря: “Моя работа окончена, а дальше вы уж как хотите”. Протираешь глаза, отходишь, смотришь со всех сторон, пытаешься обмануть себя: “Да нет, не похоже!” – стараешься сохранить покой и, мало понимая самого себя, весь переполняешься чудным, чистым и сладким чувством восхищения. Да, монолит – чаша (даже ободок выведен по краю), чаша, покоящаяся на трех лапах, и что, быть может, самое удивительное – монолит похож на те плоские сосуды, которые употребляют кочевники, чтобы пить чай или кумыс. И стоит он не прямо, а наклонившись чуть-чуть набок, так, как отодвинул чашу номад, досыта напившись кумыса!.. Даже нам, людям двадцатого века, убежденным, что нам уже известно все и вся, может казаться, что монолит создан человеческими руками, в то время как совершенно ясно, что это плод выветривания. У подножия монолита речные гольши редкой формы и окраски, осколки кристаллов горного хрусталя» [Там же, с. 41].

Последнее свое путешествие к горам и рекам востока России Иванов совершил перед самой раковой операцией меньше чем за год до смерти – летом и ранней осенью 1962 г. Осуществилась давняя мечта. Он проплыл труднодоступной рекой, преодолев ее пороги, и в конце путешествия посетил в последний раз столь много для него значившие горные места Забайкалья, как Шерлова Гора. В посмертно

изданных дневниках запечатлено любование и восхищение увиденным: «Справа огромные, в пояс, желтые, лиловые и белые цветы, направо – кряж со скалами, утесами, налево – предгорье, поросшее осоками, а вверху – лиственницы с сосной, которые на гребне росли и очень выигрывают, когда уходит туман» (18 августа 1962 г. [Иванов Вс., 2001]); «Вчера: каскад, деревья через него, рядом огромные гранитные скалы, а затем километров на пять (что редкость) спокойная гладь воды. Впереди идет кирпичного цвета лодка [нрзб.] спутников, сверкает спиннинг, крутятся пенящиеся круги от подводных камней, иногда камни высовываются снаружи. Скалы метра на два... внизу – светлая лента, их омыла прибиль воды... [Там же, с. 428]; «11. [IX]. Балей. Утром собирались смотреть драгу. Но передумали. Отправились, по совету проф. Бернштейна, в деревню Шиваз, в которой я давно хотел побывать. И был изумлен. Поднялись на совершенно обыкновенную гору Бурунда, с которой, правда, великолепный вид на весь амфитеатр гор и хребтов. И – чудо! – увидели множество розовых, синих, голубых халцедонов. Мы собрали их, пожалуй, пуда три, если не больше и уехали очень довольные» [Там же, с. 449]; «16. [IX]. Чита. Уложил камни. Получилось не так уж много, как предполагал. Груз у меня велик, быть может, самый большой, – и все камни» [Там же]. Последние записи на обратном пути относятся к горам возле Байкала.

Когда писатель умер, приходившие на его дачу поражались количеству и поразительности сияния камней, им собранных и украшавших его кабинеты.

Мой брат, художник Михаил Всеволодович Иванов по согласованию с моей мамой и со мной подобрал каменную глыбу, на которой была воспроизведена характерная подпись Иванова. На Новодевичьем кладбище в Москве этот камень обозначил могилу писателя, чье сердце и чьи книги вместили вместе с его современниками-людьми и всю природу его родных мест, включая и те камни, которым дано надолго пережить того, кто ими восхищался и в них черпал вдохновение.

Список литературы

- Бетехтин А. Г.* Минералогия. М.: Гос. изд-во геологической лит., 1950. 957 с.
- Ванюков В. А.* Металлургический профиль Большого Джезказгана // Джезказган. Труды Казахстанской базы АН СССР. Вып. 7. Л., 1935. С. 517–531.
- Журавлев С. В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов М.: ИРИ РАН, 1997. 213 с.
- Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1973–1978. Т. 1. М., 1973. 623 с.; т. 2. М., 1974. 631 с.; т. 5. М., 1975. 691 с.; т. 8. М., 1978. 782 с.
- Иванов Вс.* Дневники. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 490 с.
- Иванов Вс.* Тайное тайных / Подгот. изд. Е. А. Папковой. М.: Наука, 2012. 566 с. (Литературные памятники).
- Иванов Вяч. Вс.* Пространством и временем полный // Всеволод Иванов – писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1975. С. 342–351.
- Иванов Вяч. Вс.* Стихи разных лет. М.: Прогресс, 2005. 254 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Никому не известный писатель Всеволод Иванов // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 387–408.
- Иванов Вяч. Вс.* Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015.
- Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 873 с.

Суров И. Е., Руффель М. А., Стекольников М. А. ⁶ Водоканалпроект. Проблема водоснабжения Большого Джекказгана // Джекказган. Труды Казахской базы АН СССР. Вып. 7. Л., 1935. С. 533–597.

V. V. Ivanov

Mineralogy of a writer (Vsevolod Ivanov)

The special interest of Vsevolod Vyacheslavovich Ivanov in minerals had been shaped by the nature of his native areas (he had been born in the Western Siberia). An unusual treatment of the role of gold is represented by V. Ivanov in his short novel «The Buddha's Return», in which a golden wire was stolen from the statue of the Buddha. In the fantastic story «Sisyphus, Eol's Son» and in the novel «Volcano» the philosophic ideas are expressed through the symbols of rocks and stones. In the last published work by the V. Ivanov the travels to the Siberian mountains described by the writer are of high, document-like precision.

Keywords: Minerals, mountains, stones, Buddhism, Koktebel', The Devil' Finger, The Mountain of Pearls.

---

⁶ Фамилии авторов указаны в подстрочных примечаниях к разделам публикации.